

ПРИКЛАДНОЕ СОЦИОГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИНЖЕНЕРИЯ¹

Александра Александровна Аргамачева — кандидат философских наук, внештатный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН. E-mail: argamakova@gmail.com

В статье приводятся факторы, повлиявшие на становление социально-гуманитарных наук и их прикладных разделов. Показывается, что на протяжении истории ориентация на практику всегда была характерна для социогуманитарного познания. В конце XIX — начале XX в. практический интерес к вопросам преобразования человека и общества ложится в основу концепций социальных технологий и социальной инженерии, запрос на которые возрастает в современной науке и технокультуре.

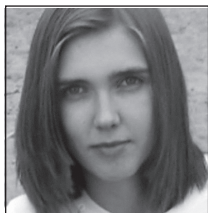
Ключевые слова: социальная философия науки, история социально-гуманитарных наук, прикладное социогуманитарное знание, социальные технологии, социальная инженерия, технонаука, технокультура.

APPLIED SOCIO-HUMANITARIAN KNOWLEDGE, SOCIAL TECHNOLOGIES AND ENGINEERING

Alexandra A. Argamakova — PhD, visiting research fellow at the department of social epistemology, Institute of Philosophy, RAS.

The article includes the description of factors, which determined the formation of modern social and human sciences, as well as their applied sections. During the history, as many concrete cases illustrate, social and humanitarian knowledge has been always guided by the needs of practice. In the late 19th and early 20th century the practical interest to the improvement of humans and society has resulted in the conceptions of social technology and social engineering, the demand for which grows in contemporary technoscience and technoculture.

Key words: social philosophy of science, history of social and human sciences, applied social knowledge, social technology, social engineering, technoscience, technoculture.

Развитие социально-гуманитарных наук в Новое время

Историю становления науки в Новое время обычно описывают на материале естествознания, что неслучайно, ведь научная, экспериментальная методология была разработана и с успехом (теоретическим и практическим) применена сначала в рамках физической науки. Тем самым на несколько сто-

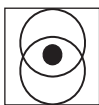
¹ Подготовлено при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-02227 «Социальная философия науки. Российская перспектива».

летий вперед было обеспечено особое внимание к ней и рассмотрение в качестве образца научных исследований. Группа факторов, повлиявших на развитие современного естествознания и связанных с эволюцией его интеллектуального содержания, исследуется в интернационалистской истории науки. Кроме того, колоссальное значение имели внешние условия: мировоззренческие установки Возрождения и Просвещения, эпоха Великих географических открытий, развитие связанные с технологиями и производством социальных практик, изменение характера экономических отношений, появление новых медиасредств (печатных книг, журналов, газет), растущий запрос на научное знание со стороны общества и государства, постепенная секуляризация интеллектуальной сферы, возникновение новой инфраструктуры производства знания. Социокультурный контекст жизни Европы в прединдустриальное время (XVI–XVIII вв.) и период промышленной революции (конец XVIII — начало XIX в.) оказывал значительное и разнообразное влияние на процесс развития научного познания.

Становление социально-гуманитарных наук происходило по сходным с естествознанием сценариям, под влиянием тех же внутренних и внешних факторов. В то же время присутствовала своя специфика, о которой мало или меньше говорится в отечественной историографии и философии науки, обычно делающих акцент на естественных науках. Скажем, если недооцененным исследователями фактором формирования современного естествознания являются коммуникативные площадки (палуба корабля, аптека, типография), на которых происходили встречи исследователей-теоретиков и ремесленников-практиков и обмен опытом между ними [Касавин, 2014], то еще менее освещенной оказывается история подобных интерактивных зон для случая социально-гуманитарных наук. В XVIII–XIX вв. эту роль играли литературные и политические салоны, научные кружки при библиотеках и частных домах, городские кафе и масонские ложи [Porter, 2008: 16]. С конца XIX в. появляются специализированные социально-гуманитарные лаборатории — консалтинговые фирмы, фабрики мысли, аналитические центры, экспертные советы, консультирующие бизнесменов, управленцев, политиков и общественных деятелей. На этих площадках теоретическое знание тесно переплетается с практическим знанием и практическими интересами общества и/или его конкретных представителей.

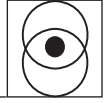
Особым фактором в развитии социогуманитарных наук было то, что можно описать как процесс «догоняющего развития». Суть его заключалась в подражании естественным наукам и желании уподобиться им в точности, предсказательной и объяснительной силе, а также практическом эффекте, что зачастую давалось с трудом и вызывало различные «комплексы» и «неврозы», особенно ярко прослеживаемые на примере философии и ее сложных поисков путей самоопреде-

ления, приводивших за последние несколько веков к многообразным вариантам научной философии.

Несмотря на постепенное распространение «позитивистских настроений», новоевропейские мыслители XVI–XVIII вв. не склонялись к противопоставлению науки и философии. По традиции, идущей от античности через Средние века, наука и философия мыслились как единое древо рационального познания действительности (что не мешало иной раз смотреть на философию, как на служанку веры и богословия). С современной точки зрения далеко не все размышления предшественников покажутся нам рациональными, но тенденция рассматривать их в таком качестве преобладала на протяжении истории. Да и разве канон рациональности не историчен? Ф. Бэкон провозглашал необходимость «великого восстановления наук», чтобы «после стольких веков существования мира философия и науки более не были висящими в воздухе, а опирались на прочные основания разнородного и притом хорошо взвешенного опыта» [Бэкон, 2002]. При этом теология (учение о Боге) рассматривалась им в качестве одной из философских и научных дисциплин наряду с естественной философией и учением о человеке. Дж. Локк утверждал, что философия и науки рациональны и должны быть основаны на опыте. При этом натурфилософия, согласно его взгляду, являлась не чем иным, как наукой о телах и духах.

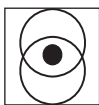
Успехи естествознания, тем не менее, запустили процесс реформирования практики философствования. Ведущие мыслители Нового времени говорили о необходимости пересмотра оснований философских исследований, а вместе с тем и всего корпуса научных дисциплин. Критике подверглись в первую очередь аристотелевско-схоластическое наследие и связанная с ним система понятий, методов и метафизики, мешавшие распространению «естественного света разума». «Эта философия, — писал Т. Гоббс, — подобна Эмпусе афинского комедиографа. В Афинах ее считали божеством, обладающим меняющейся внешностью, причем одна ее нога была медной, а другая — ослиной. Как полагали, ее послала Геката, чтобы известить афинян о предстоящем несчастье» [Гоббс, 1989: 69]. Локк высказывал то же умонастроение: «Пустые и бессмысленные формы выражения и злоупотребление языком так долго сходили за таинства науки и трудные или неуместные слова, мало или вообще ничего не значащие, за давностью употребления имеют ошибочно столько права считаться глубокой ученостью или вершиной мышления, что нелегко будет убедить говорящих эти слова или слушающих их, что они только прикрывают невежество и являются помехой истинному знанию» [Локк, 1985: 85–86]. И хотя в трудах Гоббса и Локка, а также таких философов, как Ф. Бэкон, Р. Декарт, Б. Спиноза, Г. Лейбниц, или материалистов XVIII в. можно обнаружить достаточное количество метафизи-

ческих представлений и «старых» понятий, однако все они существенно переосмыслены в свете результатов современного им естествознания. Новая метафизика и философия учитывали данные конкретных научных дисциплин, тогда как конкретные научные дисциплины черпали из них свои основные понятия и принципы [Соколов, 1957: 16].

Тематика обновления методологии научно-философских исследований неслучайно приобретает особое значение в этот период. Достижение более точного и продуктивного знания закономерно требовало усовершенствования инструментария познавательной деятельности. Новый органон и концепция идолов Ф. Бэкона, правила для руководства ума Декарта, рассуждения о научном языке Локка, методологические идеи Гоббса, да и, собственно, известная полемика между сторонниками рационализма и эмпиризма были инспирированы задачей найти способы совершенствования методологии научно-философских исследований.

На данном этапе рассмотрение философии и науки в их единстве и сущностной взаимосвязи было обычной практикой. И. Фихте замечает на этот счет: «Философия есть наука; в этом настолько же совпадают все описания философии, насколько они разделены при определении *объекта* этой науки» [Фихте, 1993: 15]. Но какие бы различия в определении философии ни имели место, философия все еще не отделялась от науки. Развитие современного естествознания скорее стимулировало поиски более точного и надежного метода для всех философских и научных дисциплин. Несколько по-другому вопрос о соотношении науки и философии формулирует И. Кант. Его видение оказывается у истоков более поздней тенденции противопоставления науки и философии. По мысли Канта, эмпирическое познание действительности должно принадлежать полностью и исключительно сфере конкретных наук. Что касается философии, то она исследует трансцендентальные условия познания и систематизирует *«инвентарь»* всего, чем мы располагаем благодаря *чистому разуму*» [Кант, 1994: 12], т.е. дает нам априорное знание в противоположность эмпирическому знанию, добываемому наукой: «Я называю *трансцендентальным* всякое познание, занимающееся не столько предметами, сколько видами нашего познания предметов, поскольку это познание должно быть возможным a priori. Система таких понятий называлась бы *трансцендентальной философией*» [Кант, 1994: 44]. Точка зрения Канта задает совершенно новый ракурс для рассмотрения соотношения научного и философского познания, кардинально разделяя их на эмпирическую и трансцендентальную сферы соответственно. В дальнейшем неокантианцы и феноменологи под влиянием философии Канта воспроизведут схожие идеи в своих концепциях. Неокантианство предложит проект философии как методологии науки, отнеся опытное познание окружающего мира к кругу задач конкретных на-

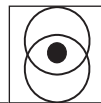

ук. Э. Гуссерль станет основателем «строгой науки» феноменологии, которая исследует сознание и выявляет трансцендентальные основания научного знания, т.е. также не имеет дела с эмпирией.

Объявив войну старой философии и метафизике, позитивисты и аналитические философы тоже осуществили попытку определить новую сферу философских исследований с учетом того обстоятельства, что познанием мира теперь гораздо успешнее занимаются научные дисциплины. Ими были предложены самые разные проекты новой философии, опирающейся на точные аналитические методы, подобные точным методам естественных наук: философия как философия и методология науки; философия как обобщение результатов научного познания и научное мировоззрение; философия как логический анализ языка науки; философия как анализ повседневного языка и т.д. и т.п.

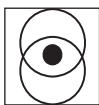
Наконец, к научно ориентированным философским программам XIX и XX вв. относятся герменевтика и прагматизм, которые следуют линии, отличной от кантовской, и включают в философскую проблематику содержательные вопросы, касающиеся положений вещей в мире, но также предлагают варианты обновленной методологии исследований, призванной в конечном счете сделать философию более точной и научной. Даже антисциентистские философские направления не могли уйти от ответа на неудобный вопрос, чем должна заниматься философия в ситуации, когда естественный и социальный мир успешно познается науками. Экзистенциалисты, скажем, отводили философии особую область исследований, связанную с вопросами о смыслах существования человека, так называемую экзистенциальную проблематику. Собственно, дискуссии о том, что такое философия, как она соотносится с науками и зачем нужна, если есть эти самые науки, до сих пор остры; на этот счет существует столько же точек зрения, сколько есть желающих высказаться. «Позитивистские настроения» на современном этапе могут продолжить играть положительную роль для традиционных философских дисциплин, направляя их в сторону междисциплинарного синтеза с конкретными науками.

Однако развитие естествознания оказывало стимулирующее влияние на все социогуманитарное познание, не только на философию. Социальные науки XVII–XIX вв. за теоретическими и методологическими моделями обращались к математике (см., например, политико-правовые умозрения Г. Гроция), физике (экономика физиократов) или биологии (органицизм Г. Спенсера). Распространение получили механистические и органицистские метафоры и аналогии. Научные законы, открываемые естествознанием, вдохновляли на поиск закономерностей и в социально-гуманитарной сфере, результатом чего стало появление формационного и цивилизационного подходов в истории, концепций естественного права в социальных науках, законов об-

разования ассоциаций в психологии и т.п. Значительную роль в развитии методологии социальных наук сыграл позитивизм, взявший курс на натурализм и привнесение точных методов в исследования. Благодаря позитивистским установкам К. Сен-Симона, О. Конта и их последователей как научная дисциплина оформилась социология. Научная методология исторической науки формируется в XIX в. также под влиянием позитивизма.

Институционализируются социально-гуманитарные науки в период между серединой XIX и серединой XX в. До этого в западных университетах преподавались *liberal arts* и университеты в первую очередь были приспособлены к нуждам образования, причем основными предметами изучения были Библия и схоластика, а также важные для христианства тексты античных авторов. Подобно естественным наукам, получившим развитие сначала вне рамок университетской системы, социогуманитарное знание начинает накапливаться в многообразных дискуссиях на социально-политические темы, становящиеся более интенсивными благодаря новым медиасредствам (книги, пресса, научные журналы) и новым коммуникативным площадкам (научно-философские кружки, кафе, салоны, просветительские общества и т.п.). После университетской реформы начала XIX в. в Европе распространяется гумбольдтовская модель университета науки [Уваров, 2010], ориентированного на исследовательскую активность. Если в предыдущие несколько веков социально-гуманитарное знание существовало в форме дискурсов по актуальным социально-политическим темам, то теперь оно начинает превращаться в дисциплинарно организованную науку. По этому поводу хочется присоединиться к точке зрения Т. Портера, высказанной в статье «Жанры и объекты социальных исследований», опубликованной в томе по социальным наукам серии «Кембриджская история науки» [Porter, 2008]. Сама книга является одним из немногих современных комплексных исследований, в котором осуществляется интересный панорамный обзор истории социогуманитарных наук. Портер пишет о том, что, анализируя исторические события до этапа оформления современных специализаций, необходимо выработать взвешенную позицию, находящуюся между унификацией и дисциплинарным дроблением: «Хотя до XIX века социальные дисциплины не сформировались, в Европе существовала давняя традиция размышлений и практик, связанных с политикой, благосостоянием, познанием, далекими народами и т.д. ... Многое из того, что мы называем “антропологией”, можно было найти в заметках путешественников и медицинских трактатах. Мышление и понимание были главным образом философскими темами до тех пор, пока медики позднего Просвещения не положили начало альтернативному дискурсу о мозге. Политические тексты могли быть как философскими, так и юридическими или историческими, но редко растворялись

в общей философии, даже если содержали явные метафизические и эпистемологические допущения» [Там же: 14].

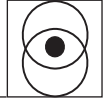
Жанры социогуманитарных исследований демонстрировали разнообразие. Портер перечисляет основные темы: экономика, народы, государство, тело, сознание, обычаи [Там же: 15]. Ни один из этих дискурсов не был «чистым в том смысле, что тематически мог пересекаться с вопросами из области политики, этики, религии или натуральной философии. Жанры варьировались от места к месту и иногда сталкивались. В экономических исследованиях британская «политическая экономия» не была вполне тем же, что французская «физиократия», и совсем отличалась от немецкого «камерализма». «Психология» — термин, использующийся преимущественно на германских территориях, — находилась в соответствии с английскими исследованиями ощущений и рефлексии не больше, чем философия Лейбница с философией Локка и Ньютона. Немецкая и итальянская статистика, являвшаяся эмпирическим исследованием государства, значительно отличалась от политических исследований — более философского дискурса о том, как следует управлять государством» [Там же: 15].

Институционализация социально-гуманитарных наук происходила в разные сроки в разных местах, но к середине XX в. этот процесс в общем завершился. Экспериментальная наука в ее современном виде не возникла бы без связи с практикой и не смогла бы получить поддержку государства и закрепиться в университетах без общественного запроса на разработку технологий. Это верно и для случая социально-гуманитарных наук, в чьем развитии фактор практической заинтересованности в результатах познавательной деятельности также играет решающую роль.

Практический интерес, социальные технологии и социальная инженерия

Интерес к социогуманитарному познанию всегда в значительной степени стимулировался практическими соображениями, касающимися вопросов управления, политики, экономики, образования, социальной сферы. Новоевропейский лозунг «Знание — сила» воспринимался как руководство к действию. Характерен для этого времени образ мыслей, демонстрируемый Гоббсом: «Знание есть только путь к силе. Теоремы (которые в геометрии являются путем исследования) служат только решению проблем. И всякое умозрение в конечном счете имеет целью какое-нибудь действие или практический успех. Однако мы лучше поймем, насколько велика польза философии, особенно физики и геометрии, если наглядно представим себе, как она может содействовать благу человеческого рода, и сравним образ жиз-

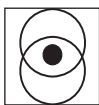

ни тех народов, которые пользуются ею, с образом жизни тех, кто лишен ее благ. Своими величайшими успехами человеческий род обязан технике. Философия, таким образом, является причиной всех этих благ. Пользу же философии морали (*philosophia moralis*) и философии государства (*philosophia civilis*) можно оценить не столько по тем выгодам, которые обеспечивает их знание, сколько по тому ущербу, который наносит их незнание» [Гоббс, 1989: 77–78]. Сам Гоббс был в тесном контакте с придворными кругами Англии, и его сочинения читали высокопоставленные лица; следует полагать, что таким путем его идеи получали возможность оказывать влияние на умы и события.

В это же динамичное время появляется и получает распространение концепция прогресса, подразумевающая поступательное социальное развитие и преобразование всех сфер общества на разумной основе, а значит, практическую установку по отношению к познанию и действительности. С наукой связывались самые большие надежды и мечты о будущем процветании и благополучии человечества, о более справедливом и гуманном социальном устройстве. Просветительское движение ярко выразило эти идеалы устами своих сторонников и воплотило их в реальные дела — публицистическую, литературную, театральную, образовательную, политическую деятельность. Философы вроде Вольтера, Д. Дидро или М. Кондорсе посредством публикаций и прямого диалога воздействовали на умы общественности и властей предрежащих. Тридцать пять томов «Энциклопедии», подготовленных просветителями, явились грандиозным начинанием, имевшим значительные культурные и политические последствия, в частности повлиявшим на подготовку Великой французской революции. Во время Французской революции сторонники идеалов Просвещения принимали деятельное участие в реальном историко-политическом процессе наряду с некоторыми философами-просветителями, такими, как М. Кондорсе, который был президентом Национального конвента и играл ведущую роль в разработке проекта конституции, правда, в итоге уступившего место другой версии документа.

Не только просветители, но и многие другие философы и ученые Нового времени занимают деятельную, а не кабинетную позицию. Первые преподаватели социальных наук в современных университетах были по большей части практиками, а не чистыми теоретиками, ведь современная университетская система формировалась благодаря осознанию преобразующей силы и значения науки. Не будет преувеличением сказать, что благодаря сплаву теории и практики происходило формирование не только университетской системы и новой гуманитаристики, но также современной западной цивилизации и светского типа государств. П. Кэрролл в книге «Наука, культура и формирование современного государства» пишет об этом: «Внутренняя связь между наукой и государственным управлением... оче-

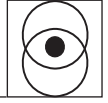

видна, если рассматривается в контексте формирования современной инженерной культуры, воспроизводства этой культуры одновременно в научной практике и практике госуправления и углубления институциональных, организационных и материальных связей между наукой и государством. Современное управление государством основано на науке так же, как и на принуждении. Прогресс в научном госуправлении, конечно же, существенно связан с развитием современной политической экономики (в ее различных формах) и социальными науками в целом... С помощью концептов “инженерная наука” и “инженерная культура” можно попытаться показать, что есть сущностная связь между наукой и формированием государства и что современное государство, по определению, есть “инженерное государство” (engineering state)» [Carroll, 2006: 22–23].

К инженерным аналогиям довольно часто прибегают при описании современной науки и добываемого ею знания. В этом же ряду находятся такие понятия, как социальные технологии и социальная инженерия, в максимально возможной степени выражающие прикладную ориентацию социогуманитарного познания, а также идея технонауки, призванная охарактеризовать новейший этап развития научного познания. Какой смысл следует вкладывать в эти идеи, когда они появились и что собой знаменовали?

Говоря о социальных технологиях, никто не имеет в виду волшебную палочку, по взмаху которой происходят трансформации в обществе. Социальные технологии представляют собой рецептурное знание о том, как организовывать социальную деятельность для решения имеющихся проблем и достижения поставленных целей. Такие технологии подразумевают освоение и разработку методов эффективного воздействия на социальную ткань реальности. В широком смысле социальные технологии включают также гуманитарные технологии, ориентированные на отдельного индивида, а не социум в целом. Демаркационные линии между социальным (имеющим отношение к обществу) и гуманитарным (имеющим отношение к человеку) зачастую условны. Социальные технологии могут принимать вид алгоритмов принятия решений, систем предписаний или упражнений, методик воздействия на сознание человека, норм или моделей поведения — в общем любых конкретных знаний и инструментов, направленных на изменение социальной реальности или управление ею. Социальные технологии имеют свойство материализовываться в различных устойчивых формах деятельности, институтах, сообществах, организациях, движениях и т.п.

При желании любую социальную практику можно рассматривать в качестве технологии, а точнее — воплощения какой-то технологии. Но ведь из социальных практик сотканы все общество и культура. При этом далеко не каждая из них спроектирована намеренно. Соци-

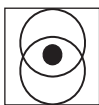

альные технологии, во-первых, разрабатываются и внедряются осознанно и целенаправленно в отличие от исторически складывающихся социальных практик, во-вторых, генерируются особым способом. Социальная реальность может конструироваться на основе представлений различного рода и происхождения: обыденные представления, традиции, религия, мифы, идеология и проч. Но социальные технологии — это то, что разрабатывается исключительно на научной основе, главным образом на основе социогуманитарного знания.

Однако на деле не всегда возможно определить, каким именно образом осуществлялось социальное конструирование, имеем ли мы дело с внедренной социальной технологией или со стихийно возникшей практикой. Тем более что социальные «демиурги» обычно не с нуля творят реальность, а совершенствуют уже существующие практики. Такого рода «демиургия» составляет суть социальной инженерии — процесса конструирования социальной реальности. Идея социальной инженерии базируется на аналогии между обществом и механизмом, уподоблением одного другому. С этой точки зрения социум рассматривается в качестве машины, состоящей из различных частей, функционирующих как единое целое. Подобно любому механизму, что-то в его конструкции может выходить из строя, устаревать, требовать ремонта или замены. Такую работу осуществляют специалисты, хорошо разбирающиеся в общественном устройстве, знающие все социальные винты и пружины, иными словами, социальные механики или инженеры. Первые теоретики, симпатизировавшие социализму, развивали метафору дальше и определяли на эту роль представителей новоявленного индустриального, рабочего класса. С ними связывались надежды на рациональное преобразование общества, способное сделать его более эффективным и гарантировать социальную справедливость каждому.

В философии науки концепции социальных технологий и социальной инженерии начинают обсуждаться во второй половине XX в. [Касавин, 2012: 7] благодаря трудам О. Хелмера [Helmer, Brown, Gordon, 1966] и К. Поппера [Поппер, 1992а, 1992b, 1992с]. Однако соответствующие понятия были введены в оборот много раньше. Уже в конце XIX в. в научной литературе обнаруживается упоминание понятий социальных технологий [Small, 1898; Henderson, 1901; Henderson, 1912; Burgess, 1923; Bernard, 1928; Bushnell, 1936; и др.] и социальной инженерии [Veblen, 1891; Earp, 1911; Veblen, 1921; Pound, 1921; Pound, 1930; и др.]. При этом упоминаются они без дополнительных разъяснений, как нечто вполне понятное и знакомое, т.е. данные понятия были уже хорошо известны к тому времени.

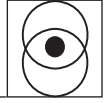
В большинстве случаев социальные технологии понимались вполне привычным нам образом: как рациональное, научно обоснованное проектирование того, «что должно быть», а также «метод дос-

тижения того, что должно быть» [Henderson, 1901: 468]. Таким образом, социальная технология включает интеллектуальную работу, состоящую в анализе и оценке проблемной ситуации, поиске и изобретении способов ее разрешения, выборе оптимального алгоритма действий и т.д. Кроме того, в качестве неотъемлемой части подразумевает проектную работу, т.е. конкретную конструктивную деятельность по воздействию на социальные явления [Bushnell, 1936: 426]. Разработка социальных технологий входит в круг задач прикладной социологии, а также других ориентированных на практику, главным образом социогуманитарных дисциплин: «Задача практической, или прикладной, социологии заключается в рациональном и справедливом распределении благ цивилизации. Ценность наук лежит в их способности быть средством управления силами и ресурсами для удовлетворения человеческих потребностей» [Henderson, 1912: 221]. Исходя из этого проблематика социальных технологий и инженерии часто связывалась с вопросами выработки принципов, целей и методов администрирования [Henderson, 1901: 480–481; Bernard, 1928: 192].

Первые формулировки концепции социальной инженерии можно найти в трудах социалистов и технократов. Основоположник технократии Т. Веблен в статье, написанной еще в 1891 г., говорит о необходимости «конструктивной социальной инженерии» [Veblen, 1891: 72]. В другой его работе [Veblen, 1921], программной для технократии, более подробно говорится о создании совершенного социального механизма, о рациональном планировании, которое будет осуществляться в интересах всего общества учеными и инженерами, о необходимости решать социально-политические проблемы подобно инженерным задачам. Проект «Технат», предлагавший принципы строительства идеального технократического общества, имел истоком эти же идеи. Начиная с технократии Т. Веблена и далее у его последователей прослеживаются апелляции к данному комплексу идей.

В середине XX в. со стороны либеральных идеологов был предложен свой вариант социальной инженерии, автором которого стал К. Поппер [Поппер, 1992а, 1992б, 1992с]. Поппер критикует предшественников за утопичность и слишком масштабные амбиции предложенных проектов — преобразовать все общество и сразу. В противовес «прожектёрству» им предлагается концепция частичной социальной инженерии, направленной на локальную социальную работу и решение отдельных, частных проблем общества. Аргументы Поппера были услышаны многими и существенно повлияли на современное понимание данной концепции. Согласно распространенному мнению, именно Поппер сформулировал ее ключевые идеи, так как отошел от утопизма социалистов и технократов. Но даже если ограничиться исключительно микроинженерией, то у Поппера, очевидно, были предшественники, предлагавшие аналогичную методологию

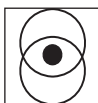

[Pound, 1921; Pound, 1930]. Другая сторона дела заключается в том, что возможный масштаб рационального проектирования до конца не определен. Скорее это хороший предмет для более глубоких философско-методологических дискуссий. Успешный и продолжающийся опыт социальной макроинженерии [Badescu, Cathcart, Schuiling, 2006] и реализации мегапроектов [Касавин, 2015] подсказывает, что горизонт наших ожиданий стоит существенно расширить по сравнению со слишком осторожными предписаниями Поппера.

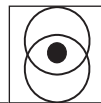
Итак, концепции социальной инженерии и социальных технологий известны уже более века, а точнее с конца XIX в. А если брать во внимание рассуждения Сен-Симона или Конта, говоривших о преобразовании общества с помощью технологий как о ключевой задаче и о том, что функции управления должны быть делегированы технократам и ученым, то истоки соответствующих представлений обнаружатся в еще более ранние времена. К месту вспомнить Марксово изречение: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Эта практическая установка имела важнейшее значение для становления и развития современной науки в целом. В этом смысле технонаука и порождаемая ею технокультура не есть особенность только нашего времени. С начальных этапов научное познание (как естественно-научное, так и социогуманитарное) тесно связано с практикой и ее очевидным интересом к технологиям, а также с различными формами взаимозависимости между тем и другим. При этом определенно на протяжении XX в. под влиянием социально-экономических процессов интерес к технологиям неуклонно рос, эти взаимосвязи становились глубже и разнообразнее, воплощаясь в новых организационных и институциональных формах и порождая феномены технонауки и технокультуры в их современной форме [Степин, 2006; Юдин, 2005].

Библиографический список

- Бэкон, 2002 — *Бэкон Ф.* Великое восстановление наук. Разделение наук. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/BEKON/nauka1.txt>
- Гоббс, 1989 — *Гоббс Т.* Основы философии // Сочинения. В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1.
- Давыдов, 2002 — *Давыдов Ю.Н.* История теоретической социологии. М.: Канон+, 2002. Т. 1 – 4.
- Кант, 1994 — *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994.
- Касавин, 2012 — Общество. Техника. Наука. На пути к теории социальных технологий; под ред. И.Т. Касавина. М.: Альфа-М, 2012.
- Касавин, 2014 — *Касавин И.Т.* Интерактивные зоны. К предьстории научной лаборатории // Вестник Российской академии наук. 2014. Т. 84, № 12. С. 1098–1106.

- Касавин, 2015 — *Касавин И.Т.* Парадоксы глобального проектирования : тезисы доклада. [Электронный ресурс]. URL: http://iph.ras.ru/uplfile//socper/sem_prob1_rac_ph/116_kasavin.pdf
- Локк, 1985 — *Локк Дж.* Опыт о человеческом разумении // Сочинения. В 3 т. М. : Мысль, 1985. Т. 1. С. 78–582.
- Поппер, 1992а — *Поппер К.* Ницета историцизма // Вопросы философии. 1992. № 8.
- Поппер, 1992б — *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона. М. : Феникс ; Культурная инициатива, 1992.
- Поппер, 1992с — *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М. : Феникс; Культурная инициатива, 1992.
- Соколов, 1957 — *Соколов В.В.* Мирозозрение Бенедикта Спинозы // Б. Спиноза. Избранные произведения. В 2 т. М. : Госполитиздат, 1957. Т. 1. С. 5–66.
- Спиноза, 1957 — *Спиноза Б.* Избранные произведения в двух томах. М. : Госполитиздат, 1957. Т. 1.
- Степин, 2006 — *Степин В.С.* Изменения в структуре науки и современный статус фундаментальных исследований. [Электронный ресурс]. URL: <http://spkurduyomov.ru/forecasting/izmeneniya-v-strukture-nauki/>
- Уваров, 2010 — *Уваров П.Ю.* У истоков университетской корпорации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/article/2010/02/04/university/>
- Фихте, 1993 — *Фихте И.Г.* О понятии наукоучения, или так называемой философии // Сочинения. В 2 т. СПб. : Мифрил, 1993. Т. 1. С. 6–64.
- Юдин, 2005 — *Юдин Б.Г.* От гуманитарного знания к гуманитарным технологиям. [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2688>
- Badescu, Cathcart, Schuiling, 2006 — *Badescu V., Cathcart R.B., Schuiling R.D.* (eds.). Macro-Engineering: A Challenge for the Future. Dordrecht : Springer, 2006.
- Bernard, 1928 — *Bernard L.L.* Standards of Living and Planes of Living // Social Forces. 1928. Vol. 7, No. 2. P. 190–202.
- Burgess, 1923 — *Burgess E.W.* The Interdependence of Sociology and Social Work // Journal of Social Forces. 1923. Vol. 1, No. 4. P. 366–370.
- Bushnell, 1936 — *Bushnell C.J.* Social Technology in Relation to Social Planning // Social Forces. 1936. Vol. 13, No. 3. P. 423–427.
- Carroll, 2002 — *Carroll P.* Material designs: Engineering Cultures and Engineering States — Ireland 1650–1900 // Theory and Society. 2002. Vol. 31, No. 1. P. 75–114.
- Carroll, 2006 — *Carroll P.* Science, Culture, and Modern State Formation. Oakland, CA : University of California Press, 2006.
- Earp, 1911 — *Earp E.L.* The Social Engineer. N.Y. : Eaton & Mains, 1911.
- Helmer, Brown, Gordon, 1966 — *Helmer O., Brown B., Gordon T.* The Social Technology. N.Y. : Basic Books, 1966.
- Henderson, 1901 — *Henderson C.R.* The Scope of Social Technology // American Journal of Sociology. 1901 Vol. 6, No. 4. P. 465–486.
- Henderson, 1912 — *Henderson C.R.* Applied Sociology (Or Social Technology) // American Journal of Sociology. 1912. Vol. 18, No. 2. P. 215–221.
- Porter, 2008 — *Porter T.M.* Genres and Objects of Social Inquiry, From the Enlightenment to 1890 // The Cambridge History of Science. Vol. 7. The Modern Social Sciences. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. P. 13–39.
- Pound, 1921 — *Pound R.* The Spirit of the Common Law. URL: <http://digitalcommons.unl.edu/lawfacpub/1/>

Pound, 1930 — *Pound R.* The Introduction to the Philosophy of Law. [Электронный ресурс]. URL: <http://oll.libertyfund.org/titles/2222>

Small, 1898 — *Small A.W.* Seminar Notes: The Methodology of the Social Problem. Division I. The Sources and Uses of Material // *American Journal of Sociology*. 1898. Vol. 4, No. 1 P. 113–144.

Veblen, 1891 — *Veblen T.B.* Some Neglected Points in the Theory of Socialism // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1891. Vol. 2. P. 57–74.

Veblen, 1921 — *Veblen T.B.* The Engineers and the Price System. Kitchener : Batoche Books, 1921.

Badescu V. Macro-Engineering: A Challenge for the Future. Dordrecht, 2006.

Bernard L.L. Standards of Living and Planes of Living. *Social Forces*. 1928. No. 2. P. 190–202.

Burgess E.W. The Interdependence of Sociology and Social Work. *Social Forces*. 1923. No. 4. P. 366–370.

Bushnell C.J. Social Technology in Relation to Social Planning. *Social Forces*. 1936. No.3. P. 423–427.

Carroll P. Material designs: Engineering cultures and engineering states – Ireland 1650–1900. *Theory and Society*. 2002. No.1. P. 75–114.

Carroll P. Science, Culture, and Modern State Formation. Oakland, 2006.

Earp E.L. The Social Engineer. New York, 1911.

Helmer O., Brown B., Gordon T. The Social Technology. New York, 1966.

Henderson C.R. The Scope of Social Technology. *American Journal of Sociology*. 1901. No. 4 P. 465–486.

Henderson C.R. Applied Sociology (Or Social Technology). *American Journal of Sociology*. 1912. No. 2. P. 215–221.

Porter T.M. Genres and Objects of Social Inquiry, From the Enlightenment to 1890. *The Cambridge History of Science*. Cambridge. 2008. Vol. 7. P. 13–39.

Pound R. The Spirit of the Common Law. [Electronic resource]. URL: <http://digitalcommons.unl.edu/lawfacpub/1/>

Pound R. The Introduction to the Philosophy of Law. [Electronic resource]. URL: <http://oli.libertyfund.org/titles/2222>

Small A.W. Seminar Notes: The Methodology of the Social Problem. Division I. The Sources and Uses of Material. *American Journal of Sociology*. 1898. No.1. P. 113–144.

Veblen T.B. Some Neglected Points in the Theory of Socialism. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1891. Vol. 2. P. 57–74.

References

Veblen T.B. The Engineers and the Price System. Kitchener, 1921.

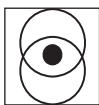
Bekon F. Velikor vosstanovlenie nauk. (Bacon F. The great Instauration). URL: <http://lib.ru/FILOSOOF/BEKON/nauka1.txt>

Gobbs T. Osnovy filosofii // Sochineniya v 2-kh tomakh. (Hobbes T. Opera Philosophica). Vol. 1. Moscow, 1989.

Davydov Yu.N. Istoriya teoreticheskoy sotsiologii. (History of theoretical sociology). Moscow, 2002.

Kant I. Kritika chistogo razuma. (Kritik der Reinen Vernunft). Moscow, 1994.

Kasavin I.T. (red.). Obshchestvo. Tekhnika. Nauka. Na puti k teorii sotsial'nykh tekhnologii. (Society. Technique. Science. On the way to the theory of social technologies). Moscow. 2012.

Kasavin I.T. Interaktivnye zony. K predystorii nauchnoy laboratorii (Interective zones. To the prehistory of research laboratory. *Vestnik Rossiyskoy Akademii nauk. (Sulletin of the Russian Academy of Science)*. Moscow, 2014. Vol. 84. No. 12. P. 1098–1106.

Kasavin I.T. Paradoksy global'nogo proektirovaniya (tezisy doklada). (Paradoxes of the global engineering (abstract of paper)). URL: http://ips.ras.ru/upfile//socep/sem_probl_rac_ph//116_kasavin.pdf

Lokk D. Opyt o chelovecheskom razumenii. (Locke J. An essay concerning human understanding). *Sochineniya v trekh tomakh. (Collected Papers)*. Moscow, 1985. Vol. 1. P. 78–582.

Popper K. Nishcheta istoritsizma (Popper K. The Poverty of Historicism). *Vo-prosy filosofii (Problems of Philosophy)*. Moscow, 1992. No. 8.

Popper K. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. T. 1. Chary Platona. (Popper K. The Open Society and Its Enemies. The Spell of Plato). Moscow, 1992.

Popper K. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. T. 2. Vremya lzheprorokov: Gegel', Marks i drugie orakuly. (Popper K. The Open Society and Its Enemies. The High Tide of Prophecy: Hegel, Marx, and the Aftermath). Moscow, 1992.

Sokolov V.V. Mirovozzrenie Benedikta Spinozy (The worldview of Benedict Spinoza). *Sokolov V.V. Izbrannye proizvedeniya v dvukh tomakh (Sokolov V. Collected Papers)*. Moscow, 1957. Vol. 1. P. 5–66.

Spinoza B. Izbrannye proizvedeniya v dvukh tomakh (Spinoza B. Collected Papers). Moscow, 1957. Vol. 1.

Stepin V.S. Izmeneniya v strukture nauki i sovremenny status fundamental'nykh issledovaniy (Stepin V. Changes in the structure of science and contemporary status of fundamental researches). URL: <http://spkurdyumov.ru/forecasting/izmemeniya-v-strukture-nauki/>

Uvarov P.Yu. U istokov universitetskoy korporatsii (Uvarov P. At the origins of the university corporations). URL: <http://www.polit.ru/article/2010/02/04/university>

Fikhte I.G. O ponyatii naukoucheniya, ili tak nazyvaemoy filosofii. (Fichte J.G. Concerning the Concept of the Wissenschaftslehre). Fichte J.G. *Sochineniya v dvukh tomakh (Collected Works)*. Saint-Petersbug. 1993. Vol. 1. P. 6–64.

Yudin B.G. Ot gumanitarnogo znaniya k gumanitarnym tekhnologiyam (Yudin B.G. From humanitarian knowledge to humanitarian technologies). URL: <http://gitmarket.ru/laboratory/expertize/2007/2688>